

* * *

Детство... Нет, для меня памятно оно не сосцами матери под сенью кедровых ветвей, нагруженных неостывшими лучами бабьего лета. Впрочем, это тоже было, как была и неуёмно игривая сестричка, заслонявшая полосатым своим бочком тигриную долю беззаботного тепла. Всё сохранила цепкая память, но разве же здесь начинается моя история?

Да и помнить, как залёгши в диком малиннике мы поджидали мать, оприходовавшую очередную свою косулю, как встретили там бурый бестолковый шарик медвежьей породы, – тоже лишь неизбежное зло эпизода, врага всякой повести.

Не о том, совсем не о том моё детство. Полосатый недоучка обязан начинать с влажных глаз хромой лосихи, учебника охотника-недотёпы, который мать без особого успеха подсовывала под неуклюжие морду и лапы. Ох, неблагодарными были эти уроки, ох, недоученными...

Мама не успела принять выпускной экзамен. Погибла, когда мне стукнуло три года. Примерно в этом возрасте мы, уссурийские аборигены, расстаёмся с родительницей; но обучение затянулось, и она не успела дать всего необходимого.

Мать была мастером прыжка и по иронии судьбы пала жертвой собственного коронного приёма. Мы с нею выслеживали небольшую группу архаров, затаившихся в поросшем мхом скальнике. Крупные размеры и посредственная

ловкость не позволили поддерживать мамино темпа восхождения, поэтому неудачный бросок и страшное падение на камни остались для меня за кадром.

Смерть её была мгновенной, и я избежал тоскливой многодневки наблюдения за агонией самого родного существа. А ведь мы, тигры – не только сентиментальные, но и чрезвычайно памятливые.

Всего день пролежал сын рядом с телом матери, после чего, гонимый голодом, забурился в чащу. Поздняя осень забирала последние свои плоды, уступая место долгой и скудной зиме. Выживание в такую пору было делом случая.

Мне судьба дала старого матёрого кабана, окопавшегося на окраине облысевшей под натиском ноябрьского ветра дубравы. Вепрь был поистине гигантских размеров, а вороной окрас его, сдобренный окантовкой серебристой щетины, свидетельствовал о принадлежности этого зверя к когорте самых благородных и свирепых представителей своего вида. По всей вероятности, нет более опасной цели для начинающего охотника.

Подобраться к кабану не составило особого труда, он, видимо, чувствовал себя неуязвимым и не считал нужным опасаться атаки. Я пробежал метров тридцать на предельной скорости, прыгнул и вонзил когти в бёдра своего первенца. И тут лес вокруг ожил, раскидистые ветви закружились в бешеном танце, а узловатые корни вековых дубов стали испытывать на прочность напряжённые мои бока. Секач попёр через подлесок, как локомотив, болтая полосатым довеском на своей заднице, будто хвостом. Рёв его, казалось, был голосом землетрясения, карающего усталую тайгу. Какое счастье, что этого броска не видела мать! Ведь тигр, вцепившийся кабану в зад, – мёртвый тигр; охотник, проливший кровь позора на свой род. Силы покидали меня, туловище болело, испуг обуял целиком, от носа до хвоста. Удивительно, как ещё когти могли продолжать удерживать щетинистую плоть. Вепрь начал разворачиваться, чтобы сбросить и убить своего преследователя. Не знаю, что случилось в тот момент. Наверное, безвыходность положения каким-то образом включила второе дыхание. Впрочем, для нас, хозяев леса, важен результат, а не рассуждения. Так вот: нащупав задними лапами корни дуба, я ухитрился ловко оттолкнуться и

вспрыгнуть на самую спину секача, сжав когтями на сей раз основания передних его ног. Хватка эта была многократно сильнее первой. Такой могучей она была, что, казалось, не могут молодые тигриные лапы быть её источником. Мощь хватки пронизала и хищника, и его первую добычу: кабан на некоторое время замер, а я поднял голову и издал протяжный низкий рык. Голос сей парализовал дубраву, как бы заставил всё живое замереть в ужасе и почтении.

Теперь в голове была лишь порождённая древними инстинктами уверенность. Клыки вонзились в жирную холку вепря, когти погасили последние его попытки к сопротивлению. Охота была окончена, началась трапеза.

Я провёл у туши кабана почти неделю, чередуя периоды глубокого и долгого сна с обильными приёмами пищи. Против обыкновения в возбуждённом подсознании толкались длинные и красочные сновидения. Детские грёзы о солнечных полянах, о золотистых верхушках кедров, о мамином запахе. Толстолапый коренастый тигрёнок в них то дурашливо кувыркался на усыпанных земляникой склонах, то неумело прятался в высокой траве, то шумно вспенивал прозрачные воды ручья. Потом он скрылся в сосняке, бросив мне прощальный озорной взгляд...

Когда первый снег выбелил чёрные полосы погустевшей шкуры, я покинул место лёжки. Зимнюю тропу на окраине старой дубравы протаптывал уже совсем другой зверь – взрослый, матёрый тигр.

Пожалуй, только лютые февральские метели прояснили смысл изменений, произошедших со мной после той схватки со старым вепрем. Утрата страха и обретение одиночества.

Скудная зима сменилась шумливой весной, и на моём счету было уже немало добрых охот. Вошло в привычку и то, что не бывает лёгкой добычи (хоть ты ловишь незадачливого зайку, хоть ломаешь хребет задумчивому сохатому), и то, что всё в тайге умолкает, затаивается, когда идёшь своей хозяйскою тропой. Ни одна душа не посмеет прильнуть к воде, когда отдыхаю я на песчаном бархане у речки. Будто это не тигр дремлет, а вся природа берёт передых.

Летняя пора с её степенным изобилием и плотной завесой таёжного гнуса застала молодого охотника в праведных трудах. Каждодневно делал я десятки вёрст, гонимый инстинктом освоения территории. Тигриный дом прирастал всё новыми ручьями, полянами и речными изгибами, окаймлёнными кедровыми деревьями с характерными следами когтей. А ведь задача хозяина – не только захватывать новое, но и изучать привычное, подмечать все мелочи, дышать одним дыханьем со своим лесом. Поначалу всё это было утомительной и непослушной наукой, к которой и подхода-то толком не было. Но таково уж наше тигриное упрямство да тысячелетнее чутьё, что и в самом густом бурьяне тропка сыскивается. Вот и я, незаметно, закономерно, обрёл мир, в котором разбирался не хуже когтей на передних лапах, а с ним – равномерное и незаметное течение времени. И если уж изрядно покопаться в ворохе прожитых дней, то можно уловить неясные следы конкретных событий, условных радостей и забот... вот декабрьской порой выгоняю из владений залётную волчью стаю, а вот лакоплюсь горбатыми сигадами, с азартом бестолкового котёнка вышвыривая их из воды на хилую апрельскую травку... Но ковыряться в воспоминаниях в тайге не принято...

Впрочем, есть и то, от чего и нарочно не отвернёшься.

Мне шёл шестой год. Выдалась необычайно мягкая зима, так что во множестве мест вода у берегов реки была свободна от ледяного панциря и манила всякого зверя доступным водопоем. Сразу после восхода я неспешно спустился с высокого берега по заиндевевшему склону и принялся осторожно пить, потягивая носом прозрачный утренний воздух. Что-то было не так в этой первозданной тишине, но ни в запахах, ни в звуках, ни в голубоватых тенях не обнаруживалось необычного. Оторвавшись от воды, я стал медленно продвигаться вдоль берега, посматривая на распластанные по земляному скату снежные узоры. Вдруг какое-то шестое чувство заставило резко повернуть голову в сторону реки... от увиденного я остолбенел: на противоположном берегу стояла тигрица. Несколько минут мы разглядывали друг друга, ни на сантиметр не двигаясь с места. Потом она приоткрыла пасть, выпустив чуть

видимое облачко пара, и с шумом выбросила порцию воздуха через нос. Я раздул ноздри, вытянул вперёд усы и смачно фыркнул в ответ.

После смерти матери это была первая очная встреча с соплеменником. Конечно, запахи и следы полосатых соседей и прежде, бывало, встречались на окраинах угодий, но ни разу не сталкивался я с их обладателями. В нашем роду принято нетерпимое отношение к нарушителям границ, поэтому в здравом уме хозяева тайги предпочитают избегать личных контактов. Но состояние моё после утреннего приветствия сложно стало называть нормальным. Инстинкт защиты территории как ветром сдуло, сердце наполнилось необъяснимой тревогой, а в голове царил круговорот каких-то неясных образов. В ногах тоже не было покоя: за весь день так и не довелось прилечь. Пришлось вместо отдыха нарезать зигзаги по низкорослому прибрежному соснячку. Лишь с наступлением сумерек я вытянулся на границе леса, старательно контролируя неподвижность собственного тела, и весь превратился в слух. Так, в неопределённом ожидании, прошёл час, может, два... и вот, нужный сигнал (сам не знаю, какой именно), пронизав морозный воздух, достиг чутких ушей. Тогда, повинувшись древнему зову, передние лапы подняли могучую грудь над землёй, пасть разверзлась в оглушительном рыке, а через мгновение тело моё (всё ещё оторванное от разума) неистовыми прыжками устремилось в сторону освещённого луной снежного поля.

... мы встретились посреди залитой лунным светом пустоши. Без предисловий и обычной для всякого тигра осторожности тернулись мордами, коснулись друг друга нос-в-нос, погрузились в какофонию фырканий, беспорядочного порывивания и урчания, бесконечное число раз соприкасались боками, с нарочитой неуклюжестью атаковали друг друга лапами, вставали на дыбы, катались по снегу, нежно прикусывали шкуру на бёдрах и даже хвост, ребячливо огрызались, шипели и мяукали. А ещё каждый из нас опьянел от запаха своего визави и от вкуса слюны, изрядно пригубленной в этих своеобразных поцелуях... словом, та ночь была чудесна.

У нас было две недели на любовь, и они прошли как надо. Торжество

возбуждения и вожделения вытеснило в тот короткий период все традиционные тревоги. Обход владений, охота, шумы и шорохи – всё это на время осталось за бортом. Мы сущими дурачками носились чёрт пойми где, не зная ни голода, ни сна, ни страха. А одним морозным утром расстались... Без сантиментов стряхнули со шкур снег и остатки дрёмы и побрели в разные стороны.

* * *

Что ж, пришло время рассказать о моём последнем приключении. И так хочется успеть с этим рассказом... ведь небытие умеет слишком легко и внезапно отыгрывать у нашего племени километры, минуты и мысли.

... стоял сытый и в меру душный август. Ладно шли мои дела, и охота была доброй. В тот день удалось завалить славную мясистую кабаргу, да ещё и местечко для трапезы подыскать на редкость удачное, тенистую площадку на склоне оврага, вблизи манящего прохладой и прозрачной водой ручейка. Я ел с азартом младенца, пробуя мясо впервые. Внезапными атаками на сочную тушу останавливались робкие попытки неокрепшего, слабого голода прорваться в крепкую цитадель звериного благополучия. И вдруг на этом ристалище желудка появился ещё один игрок.

Он, огромный бурый медведь, как из-под земли вырос меж стволов вековых дубов, затмевая последние своей грубой мощью. И теперь этот исполин нахраписто и бесцеремонно приближался к чужой добыче. Тут требовалось быстрое решение, ведь всесторонне оценивать обстановку было просто некогда, и основное значение имела самая сильная на тот момент эмоция – ярость.

Сопровождаемый неистовым рыком прыжок в сторону медведя ознаменовал начало поединка. Я тут же перехватил инициативу, упредив подъём бурого в стойку мощнейшим ударом сверху передними лапами по его плечам. Привычно было пользоваться превосходящей силой. Казалось, что и на сей раз дело пойдёт по стандартному сценарию. Действительно, этим первым наскоком я прибил медведя к земле, незамедлительно вцепившись клыками в его мясистую холку. Не тут-то было! Живая гора стряхнула полосатого соперника с загривка, как

лисица первый снег. Только клочки окровавленной шерсти остались в пасти. Ничего! Тайга не сразу строилась! Последовавшая контратака бурого была пусть и эффектной, но слишком медленной для тигра. На масштабные взмахи толстенных лап я ответил стремительным выпадом, сдобренным тройкой точных боковых в челюсть. Клянусь, эти удары сломили бы полувековую сосну, но наглый исполин лишь потряс головой и снова ринулся в бой. Моя сила поколебалась, а он будто только начал разогреваться. В следующий миг мы, полувстав, столкнулись грудь-в-грудь и сомкнули передние лапы на плечах соперника. Происходящее было эдаким грандиозным перетягиванием каната. Сначала удалось, сжав когти на бурой холке, оттеснить медведя к ручью. Потом он пошёл вперёд, проламывая моим телом молодой ракитник. В какой-то момент мы покатались к болотистому берегу, выкашивая подлесок взмахами могучих лап. Тут я улучил момент и цапнул бурого за морду, вырвав клыками кусок носа. Объявляя разжалось: опешивший от боли медведь отпрянул и... стремительно встал на дыбы. И вот здесь – ошибка. Наверное, первая со времён юношеской охоты на вепря. О, самоуверенность, ты сворачиваешь горы, но ты слепа! Потому бываешь хорошей попутчицей ярости, а не мудрости. Прыжок с земли... и я упираюсь в каменную, неприступную грудь великана, обвивая лапами его стан в этом танце смерти. А бурый хватает меня за плечи и начинает натиск, невероятный по своей энергии. Кости хрустят похлеще льдин, освобождённых весной, после пятимесячного ледостава. Дыханье спирает, и силы стремительно покидают тигра. Вот, глаза уже застланы розовым маревом. Я начинаю конвульсировать, но тут задние лапы нащупывают точку опоры. Вероятно, это корни дуба. Да-да, тот первый кабан даёт свою эфемерную подсказку. Полосатый в последнем отчаянном усилии сжимается и делает толчок ногами.

Медведь потерял равновесие и выпустил гибкое моё тело. Оставляя шматки окровавленной шкуры в его дьявольских когтях, я ухожу. Ухожу. Скатываюсь в овраг, бегу без дыхания, без воли, без надежды.

* * *

Теперь побитый, изломанный хозяин тайги лежит на берегу мелкой и в меру быстроводной реки. Не помню, как попал я сюда, и не знаю, двинусь ли ещё с этого места. Течение треплет подводную растительность, несёт частицы ила и незадачливых мальков; колеблется на поверхности отражение окровавленной морды. Воды эти поневоле стали рекой моей жизни... смотрю в них и вижу тот рассказ, что успел поведать. А ещё, когда боль от переломанных рёбер особенно остра, когда хрипы в измятой груди заглушают воронью брань, чудятся мне в отражениях майские луга, густо покрытые росой, да играющие в травах толстолапые тигрята.

© 2016, Алексей Богданов. Все права защищены.